

Проблемы сохранения культурного наследия на примере буддийских монастырей Центральной Монголии

© 2018

О.Н. Труевцева

В статье содержится общее описание состояния буддийских монастырей Архангайского аймака Монголии, обследованных летом 2017 г. совместной российско-монгольской экспедицией. Из трех десятков монастырей, располагавшихся на территории аймака, уцелели лишь отдельные сооружения, многие из которых к настоящему времени перешли в разряд археологических объектов. Приводятся выводы и рекомендации для дальнейшего изучения и использования сохранившихся объектов культурного наследия Монголии.

Ключевые слова: Монголия, культурное наследие, материальная культура, буддизм, монастырь.

Буддийские монастыри Монголии давно привлекают внимание ученых разных специальностей. Историки изучают их роль в становлении государственности, развитии общества. Этнографов интересует уклад монастырской жизни, культурно-бытовые особенности монашеского бытия и взаимодействия с остальным населением. Медики пытаются постичь секреты тибетского врачевания, главными хранителями которых до сих пор являются монастыри и их специальные школы. Философы, психологи, физики, астрологи, искусствоведы, другие специалисты находят свои предметы изучения в буддийских монастырях и храмах.

Есть свой предмет исследования и у ученых, занимающихся объектами природного, материального и нематериального культурного наследия: это вопросы их выявления, описания, изучения, охраны, восстановления, популяризации и использования.

Данная проблематика относится не только к предмету и основным аспектам изучения объекта научной дисциплины, которую некоторые ученые называют наследиеведением (Heritology). Она, по сути, отражает и основные компоненты системы практической деятельности по сохранению природного и культурного наследия. Методы этой деятельности, условия и факторы ее осуществления, конкретный опыт, накопленный в разных странах, также должны рассматриваться в качестве предмета наследиеведения.

Наследиеведческий подход был положен в основу совместного российско-монгольского проекта изучения буддийских монастырей Архангайского аймака Монголии. Проект разрабатывался группой университетских ученых из Барнаула (Россия) и Эрдэнэ-та (Монголия) и был поддержан Российским фондом фундаментальных исследований

Труевцева Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул), вице-президент Комитета музеологии стран Азии и Тихоокеанского региона Международного совета музеев (ИКОМ). E-mail: truevtseva@yandex.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17–21–03551 «Культурное наследие монастырей Центральной Монголии».

и Академией наук Монголии. В июне 2017 г. состоялась первая рекогносцировочная экспедиция в Архангайский аймак. Ее основная задача — провести в полевых условиях тестирование методики выявления, описания, фотофиксации состояния монастырских зданий с последующей корректировкой хода исследовательских работ.

Территория Архангайского аймака была выбрана не случайно. Расположенный в Центральной Монголии, на пересечении путей с востока на запад и с севера на юг, неподалеку от древней столицы халхов — города Хархорина, он на протяжении всей многовековой истории страны находился в центре происходящих событий. А множество поселений аймака, разбросанных в горах и долинах рек, вдали от больших дорог, до сих пор сохраняют культуру предков в первозданном виде.

К XIII веку, периоду создания Чингисханом своей империи, монголы уже были знакомы с буддизмом. Однако в то время монгольской знати была чужда идея религиозной исклucительности и, хотя основная масса населения исповедовала смесь шаманизма и тенгрианства (поклонение Небу), в империи свободно могли отправлять свои культы приверженцы ислама, христианства (в основном несторианского толка), буддизма и других религий. Активная просветительская деятельность тибетских лам при дворе монгольских правителей Китая способствовала принятию буддизма в качестве официальной религии империи Юань, после падения которой ослабла и роль буддизма. Лишь к XVI веку борьба за власть между потомками Чингисхана подтолкнула их обратиться к набирающему влияние Тибету и, соответственно, буддизму (ламаизму), который быстро распространился по монгольской территории, став господствующей религией. В последующие два столетия было принято более 20 законодательных актов, направленных против шаманских культов и оказывающих законодательную поддержку новой религии¹. Это означало официальное признание, получившее подкрепление в строительстве монастырей, росте их экономического, политического и духовного влияния.

Первый монастырь Монголии — Эрдэнэ-зуу был построен в 1586 г. на развалинах древней столицы халхов в Хархорине (территория соседнего Увурхангайского аймака). В том же году был заложен первый храм на южном склоне священной горы Булган, который со временем вырос в один из крупнейших монастырей страны Зая гэгэний хурээ. Вокруг него возник город Цэцэрлэг — столица Архангайского аймака. К концу XIX века в монастыре постоянно проживали около тысячи, а в дни великих хуралов съезжались до четырех тысяч лам².

Монастыри Архангай всегда находились в центре событий монгольской истории. В 1932 г. они были одним из наиболее мощных очагов антиправительственного восстания с целью восстановления теократического строя. Это во многом предопределило судьбу монастырей во время репрессий конца 1930-х годов. Большинство из них было взорвано или сожжено, а многие ламы были расстреляны или отправлены в лагеря³. Из трех десятков монастырей, располагавшихся на территории аймака, уцелели лишь отдельные сооружения, которым было найдено иное применение. Возвращение буддистским общинам ряда зданий началось лишь с приходом демократических преобразований в конце XX века.

Другим мотивом для выбора монастырей Архангайского аймака в качестве объекта исследования явилась недостаточная изученность проблемы сохранения их как культурного наследия. Если не считать Эрдэнэ-зуу (в 2004 г. объявлен ЮНЕСКО объектом всемирного наследия), о котором написано значительное количество книг и статей, наиболее полно воссоздана история создания и развития Зая гэгэний хурээ, другого древнейшего монастыря Монголии⁴.

Одним из его первых исследователей стал известный русский монголовед А.М. Позднеев. Во время своего второго путешествия в Монголию в 1892–1893 гг. он посетил Цэцэрлэг и зафиксировал в своих путевых записках подробное описание Зая гэгэний хурээ, биографические сведения о его основателе и хубилганах⁵.

Среди книг, изданных в Монголии, следует отметить работы С. Жунша и Т. Ядамсурэна, посвященные истории Архангайского аймака, его главной достопримечательности — монастырю и его обитателям, а также известным людям, уроженцам аймака. Книги снабжены множеством фотографий, на которых запечатлены ныне утраченные буддийские памятники⁶.

Большой интерес представляет монография венгерских исследователей Ж. Майер и К. Телеки, которые реконструировали историю монастыря Зая гэгэний хурээ, описали места поклонения, святые источники, субурганы (священные ступы), расположенные на территории Архангайского аймака. Отдельная глава посвящена воссозданию монастырских традиций в современных условиях. Особую ценность монографии придает использование широкого круга исторических источников: архивных документов, фотографий, рисунков, записанных авторами воспоминаний участников событий⁷.

Названные исследования не исчерпывают проблематику сохранения культурного наследия буддийских монастырей на территории Архангайского аймака, тем более что о большинстве из них в опубликованных источниках нет даже упоминаний. Их общая судьба — уничтожены в период политических репрессий 1930-х годов — говорит лишь о необходимости восстановления исторической памяти, реконструкции истории их возникновения и развития. А там, где это еще возможно, установление местонахождения, описание и фотофиксация фундаментов, руин, сооружений, находящихся в аварийном состоянии, определение мер по консервации, реставрации, охране, популяризации объектов, установление особых режимов их сохранения.

Разработанная участниками совместного проекта методика исследования предполагала выявление местонахождения разрушенных монастырей посредством библиографического и археографического поиска. Во время выезда на места дислокации осуществлялся визуальный осмотр памятников, результаты которого заносились в специальный документ — «Карту объекта культурного наследия». Во всех случаях осуществлялась фотофиксация состояния объектов, аэрофотосъемка с помощью квадрокоптера, видеозапись интервью информаторов из числа местных жителей, краеведов.

Карта объекта является основным документом, в который вносятся все результаты исследования. Некоторые позиции заполняются до экспедиции: наименование, местонахождение (аймак, сомон, населенный пункт или расстояние до него). Данные GPS, ориентиры, точное расположение на карте наносятся во время посещения объекта.

До экспедиции изучаются и вносятся результаты библиографических и архивных исследований, установленные даты строительства, история создания и деятельности, найденные описания объекта, рисунки, фотографии, сведения о разрушениях, реконструкциях, а также документах, касающихся права собственности, постановки на государственную охрану, современного использования.

Если изначально установлено, что объект в настоящее время не используется в силу непригодного для эксплуатации состояния, желательно до визуального осмотра по документам и старым фотографиям попытаться выяснить состав сооружений, входящих в монастырский комплекс, типы храмов, к какому религиозному направлению они относятся, их архитектурные стили, описание каждого сооружения.

При визуальном осмотре необходимо сопоставить ранее полученные описания с реальными объектами и дать оценку их состояния по внешним признакам. Оценка дается по пяти основным показателям. Оценка состояния «нормальное» говорит о том, что необходимость ремонтных работ отсутствует. «Удовлетворительное» состояние требует текущего ремонта с устранением локальных повреждений без усиления конструкций. «Неудовлетворительное» — означает необходимость усиления и восстановления несущей способности поврежденных конструкций. «Аварийное» свидетельствует, о том, что повреждения сделали конструкции непригодными к эксплуатации, об опасности их об-

рушения. «Руинированное» состояние констатирует разрушение конструкций, полное или частичное обрушение кровли и стен.

После проведенной оценки производится выявление факторов, определяющих состояние объектов. Факторы могут быть природными, техногенными и антропогенными. К природным факторам относятся, прежде всего, землетрясения, ветровая и водная эрозии, наводнения, оползни. К техногенным — нарушения геологической среды, загрязнения воздушного и водного бассейнов, нарушения почвенного и растительного покровов в результате хозяйственной деятельности. Антропогенные — это отсутствие эффективного собственника, некавалифицированные ремонтные работы, несоблюдение норм пожарной безопасности, вандализм, нерациональное использование объекта и другие, связанные с действиями или бездействием, в том числе преступной халатностью.

Необходимо подчеркнуть, что все оценки осуществляются без применения специальных приборов, лабораторных исследований, привлечения специалистов в области строительства, архитектуры, геологии, гидрологии и других. Задача наших исследований заключается в визуальном обследовании объектов и представлении оценок состояния объектов культурного наследия государственным органам, уполномоченным осуществлять охрану памятников, информировать общественность об угрозах их утраты, привлекать внимание бизнеса и власти к рациональному и бережному использованию объектов в интересах сохранения национального достояния.

Оценка состояния исторического памятника, выявление негативных техногенных и антропогенных факторов, оказывающих разрушающее влияние, безусловно, важнейшие задачи подобных исследований, обеспечивающих сохранение культурного наследия. Однако не менее важные задачи связаны с использованием памятников, включением их в современный социокультурный контекст, что предполагает распространение информации об их месте и роли в культурном наследии, музеефикацию, внесение в экскурсионные маршруты, обеспечение комфортного пребывания туристов на объекте, профессиональную подготовку экскурсоводов, охрану объектов от вандализма.

Актуальность перечисленных проблем в полной мере подтвердилась во время экспедиции в Центральную Монголию. Начать следует с проблем выявления и поиска объектов культурного наследия.

В процессе предварительного изучения опубликованных источников выяснилось некоторое расхождение в оценке количества монастырей в Архангайском аймаке, да и в целом в Монголии. Попытки подсчитать монгольские монастыри предпринимались неоднократно. И каждый раз итоговые цифры разнились. Так, Н. Хишигт, ссылаясь на архивные источники Главного разведывательного управления Монголии, говорит о наличии в конце 1920-х годов 790 крупных и средних монастырей с 2960 храмами, к которым были приписаны более 100 тысяч лам и хувараков (учеников)⁸. Д. Майдар в своей известной книге «Три карты городов и поселений Монголии», изданной в 1970 г. на русском языке, приводит таблицу с наименованием и местоположением 750 монастырей, в которых находилось 1536 религиозных сооружений⁹.

Для целей нашего исследования расхождение экспертов в оценке количества монастырей существенного значения не имеют. Принимая во внимание, что исторический процесс, методы политического, экономического и идеологического подавления религии, административные и судебные репрессии против церкви и ее адептов в Монголии к настоящему времени достаточно глубоко исследованы учеными¹⁰, гораздо важнее оценить общее количество объектов культурного наследия, динамику и характер их разрушений (в том числе в результате вандализма).

В рамках данной статьи ограничимся лишь кратким резюме по поводу действий властей в отношении буддийских монастырей. В середине 1920-х годов в результате провала экономической и социальной политики лидеры правящей Монгольской народно-революционной партии (МНРП) по рекомендации советских и коминтерновских руководителей

решили поправить экономику за счет перераспределения собственности монастырей в пользу государства. С этой целью в течение следующего десятилетия неоднократно увеличивались налоги на монастыри, пока они не достигли размеров, не покрываемых доходами.

Одновременно осуществлялось политическое давление — лишение избирательных прав вначале руководителей церкви, а затем и всех постоянно проживающих в монастырях лам. Было введено уголовное наказание за прием в монастыри юношей моложе 18 лет. Чуть позже в силу вступило разрешение отдавать в монахи только третьего сына, достигшего 18-летнего возраста.

Под предлогом готовящейся японской агрессии в апреле 1937 г. началось переселение монастырей из приграничных районов в глубь страны, которое к концу года приняло массовый характер и касалось монастырей не только в пределах опасной зоны. Переселение послужило началом репрессий, перенявших опыт сталинского режима. В 1937–1939 гг. было репрессировано приблизительно 17 тысяч лам, из которых свыше 14 тысяч — расстреляны по решениям печально известной «тройки» (в монгольской «редакции» именовавшейся Чрезвычайной полномочной комиссией), подписывавшей смертные приговоры по фальсифицированным обвинениям политических противников в измене Родине, шпионаже в пользу Японии, всевозможных заговорах¹¹.

Поскольку основными объектами материального культурного наследия монастырей являются здания, используемые для богослужения, нас, безусловно, интересовала их судьба, особенно в Архангайском аймаке, в котором, по данным Д. Майдара, на начало 1937 г. существовало 33 хурээ и хийда, что соответствует современным представлениям о монастырях и 22 самостоятельных храма¹².

Следует отметить, что международная экспедиция 2004–2007 гг., в состав которой входили монгольские и венгерские специалисты, выявила 74 кумирни, большинство из которых находилось в руинированном состоянии¹³.

Когда и как были утрачены сооружения, многие из которых простояли 200–300 лет? К середине 1938 г. ламская комиссия при ЦК МНРП приступила к распределению монастырского недвижимого имущества между аймачными организациями. Так, в Архангае школам досталось 83 храмовых сооружения, больницам — 5, объединениям лам и ремесленников — 38, торговым организациям — 234, партийным и общественным организациям — 16. При этом около 400 зданий остались бесхозными — их некому было передавать. Некоторые сооружения находились вдали от поселений, некоторые были непригодны для использования или нуждались в капитальном ремонте, некоторые — сожжены и разрушены.

При этом лишь незначительная часть средств, конфискованных у монастырей, была передана на развитие аймаков, их социальной инфраструктуры. Страна, полтора десятилетия находившаяся в условиях социальных и политических потрясений, пережившая японскую агрессию в 1939 г., отдававшая свои ресурсы в помощь борьбе Советского Союза с фашизмом в годы Второй мировой войны, не могла позволить себе заботу о сохранении архитектурных памятников. Здания храмов, значительная часть которых была построена из глины и дерева, постепенно ветшали, разрушались, растаскивались местным населением на хозяйственные нужды.

Вместе с храмами утрачивались религиозные святыни, огромное количество ценнейших книг, тханков, храмовой утвари. На вывоз наиболее ценного монастырского имущества из Архангайского аймака требовалось 150 автомобилей, которых у правительства не было. Не хватало рабочих для очистки храмов: местное население в большинстве было настроено против разрушения монастырей. Тем не менее часть книг была доставлена в столицу, где хранилась в трех храмах, спасая таким образом эти храмы от разрушения. Религиозная бронзовая утварь, бурханы (буддийские скульптурные изображения) свозились на переплавку в Улан-Батор.

За десятилетие суровый монгольский климат, бесхозяйственность властей, мародерство обнищавшего населения, помноженные на официальное идеологическое отрицание и практическую борьбу с религией, обратили бывшее величие буддийских монастырей в развалины. Этот факт неоднократно отмечали советские специалисты, работавшие в Монголии в 1940-е–1950-е годы¹⁴.

Что осталось в наследство нашим современникам в Архангайском аймаке? Это и попыталась оценить российско-монгольская экспедиция, избрав для пилотного обследования три, различающихся степенью сохранности и условиями бытования, объекта: монастырский комплекс в столице аймака Цэцэрлэге, монастырь в поселке Жаргалант сомона Батцэнгэл и руины некогда крупного монастыря Хан-Ундур в сомоне Их Тамир.

Монастырский комплекс в Цэцэрлэге обычно именуется Зая Гэгэний Хурээ (Zaya Gegeenii Khuree, the Monastery of the Khalkha Zaya Pandita). Это один из наиболее древних буддийских монастырей на территории Монголии. Основанный в конце XVI века, он снискал себе славу центра просвещения халхов. Являясь на протяжении всей своей истории резиденцией духовных лидеров монгольского буддизма, монастырь был известен своими научными достижениями.

К началу XX века монастырский комплекс, который фактически состоял из двух частей — Дээд хурээ (верхний монастырь, поскольку находился у подножья священной горы Булган) и Доод хурээ (нижний, располагавшийся в нескольких километрах в долине) — содержал, по разным источникам, до 30 храмов, 5 монашеских школ и религиозные школы на 600 человек. В монастыре постоянно проживали до 1000 монахов, а в дни религиозных праздников собиралось более 4,5 тысяч. Сегодня мы можем увидеть лишь некоторые здания верхнего монастыря, поскольку нижний сравняли с землей.

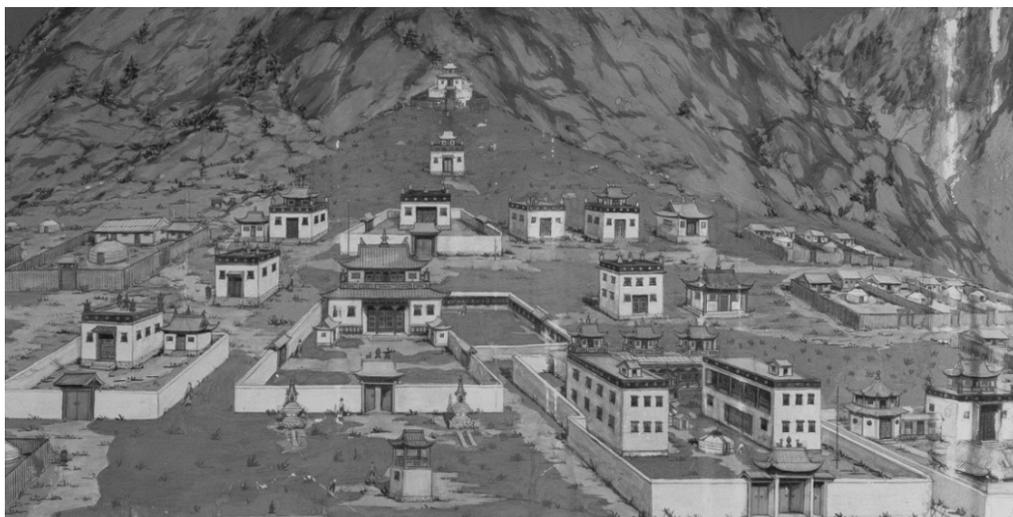

Рис. 1. Картина местного художника. Из коллекции Музея истории Архангайского аймака.

Выдающийся русский востоковед А.М. Позднеев, побывавший здесь в 1892 г., писал: «... Как при первом общем взгляде на старую и вместе главную часть монастыря, так и при более подробном ознакомлении с нею, сразу бросается в глаза стремление основателя этого монастыря Лувсанпринлая пересадить на халхасскую почву Тибет... Архитектура всех главнейших кумирен его старого тибетского стиля и, построенные в два и три этажа, они во многом напоминают собою, особенно издали, постройки европейских двух-этажных зданий»¹⁵.

Картина местного художника, написанная на основе сохранившихся фотографий и описаний, дает некоторое общее представление о том, что мог увидеть А.М. Позднеев

125 лет тому назад. Сегодня от былого самобытного величия осталось только три сооружения. Во-первых, это храм Галдан зуу, на вершине горы, который в 1946 г. был полностью разобран на хозяйственные нужды, а в 1994 г. воссоздан по сохранившимся рисункам и фотографиям. Здание храма-«новодела» принадлежит местному краеведческому музею и в настоящее время не доступно для посетителей.

Рис. 2. Лавран — резиденция Зая Пандиты Лувсанпринляя

Другим сохранившимся сооружением является Лавран — резиденция Зая Пандиты Лувсанпринляя — не только религиозного деятеля, но и выдающегося монгольского просветителя, автора четырехтомной энциклопедии «Тодорхой толь» («Ясное зеркало»). После жестоких репрессий 1930-х годов здание дворца было передано вначале пожарной команде, затем его приспособили под производственные помещения, склад алкогольной продукции, пищекомбинат. И только с начала 1960-х годов в Лавране разместился краеведческий музей, что позволило сохранить замечательные памятники архитектуры.

Рис.3. Музей истории Архангайского аймака

Дворцовый комплекс состоит из трех сооружений: центральное, с тремя куполами — Гудэн сум, построенное Лувсанприглаем в конце XVII века, и образующие внутренний дворик два здания — Баруун сэмчин дуган (Западный сэмчин) и Зуун сэмчин дуган (Восточный сэмчин). В Западном дугане проводились хуралы, а в Восточном была резиденция Ш гэгэна Лувсанжигмэддоржа. Оба сооружения были реконструированы и к 1910 г. обрели современный вид, лишившись третьего этажа¹⁶. Декор всех трех зданий был обновлен в 2011 г. при содействии Музея антропологии Монако.

Рис. 4. Руины храма Цогчин дугана

Слева от Лаврана расположено то, что осталось от главного храма монастыря — Цогчин дугана, построенного в 1706 г.

По мнению А.М. Позднеева, да и при простом сравнении старых фотографий видно, что архитектура Цогчин дугана значительно уступает некогда находившимся рядом храмам Гушиг дацану и Гунгэрэг дацану. Однако от них не осталось даже фундаментов. В 2017 г. корейские специалисты подготовили проект реконструкции Цогчина.

Рис. 5, 6. Монастырь Луу Гуни хурээ в Батцэнгэле.

В целом, следует отметить, что после начала демократических преобразований в Монголии власти аймака и администрация музея уделяют внимание сохранению истории монастыря. Ей посвящен один из залов музея, хранящий многочисленные подлинные экспонаты. Когда в 1990 г. во многих монастырях страны начали вновь проводить религиозные службы, буддийской общине Архангайского аймака было передано одно из бывших богослужебных зданий, в котором размещался музей истории религии.

Более сложной оказалась судьба монастыря Луу Гуни хурээ в Батцэнгэле. Основанный в 1846 г., он состоял из 10 религиозных школ и насчитывал около 500 монахов. Сегодня сохранился единственный храм, представляющий историко-культурную и архитектурную ценность и нуждающийся в срочной реставрации, поскольку находится в аварийном состоянии. При этом с 1990 г. в приспособленном помещении на территории монастыря возобновились службы. Усилиями местной общины при активной поддержке администрации сомона подготовлен проект реконструкции храма, проводится сбор средств на ее осуществление.

Трагична судьба монастыря Хан Ундур в Их Тамире. Это один из первых монастырей Центральной Монголии. Его основание в 1679 г. связывают с религиозной школой Тогчин. К 1934 г. в состав монастыря входило около 30 храмов и проживало более тысячи монахов. В 1939 г. монастырь был разрушен. Сегодня только со 100-метровой высоты можно рассмотреть фундаменты его храмов (рис. 7).

Рис. 7. Фундаменты монастыря Хан Ундур в Их Тамире.

Итак, было исследовано три монастыря, представляющих культурное наследие Монголии. Большая часть монастырских зданий разрушена и не подлежит восстановлению. Некоторые храмы, представляющие историческую и архитектурную ценность, находятся в аварийном состоянии и нуждаются в срочной реконструкции. Отдельные сооружения находятся в удовлетворительном состоянии, но используются не по назначению.

Очевидно, что не может быть единого рецепта, который вылечит от потери исторической памяти и поможет сохранить культурное наследие. Воссоздать тысячу храмов на месте разрушенных — задача бесперспективная. Отдельные подобные попытки уже были и не увенчались успехом. Нужна государственная программа, которая, в первую очередь, должна оценить масштаб бедствия. К разработке и обсуждению программы, кроме специалистов, должна быть привлечена общественность, причем не только столичная, но и местная.

Самое важное — сохранить историческую память о поколениях, когда-то при- нявших буддизм, сделавших его одной из основ монгольской цивилизации. Не менее важно помнить о тех, кто пытался его искоренить, ломая судьбы людей, разрушая веко- вые устои, растрачивая народное достояние, сжигая храмы. Напоминание об этом време- ни может принимать разные формы. Однако будет естественным, если они будут соот- ветствовать этнической культуре, традициям народа. Буддийские храмы всегда возводи- лись в священных местах, определяемых специально создаваемыми комиссиями, в со- став которых входили ученые ламы, поэтому представляется логичным на месте разру- шенных храмов установить мемориальные знаки в виде субурганов или других, близких буддийской духовности и традициям форм. Важно, чтобы эти знаки содержали инфор- мацию о разрушенных храмах, религиозных подвижниках, пострадавших за веру. При этом информация должна быть доступной для всех поколений, учитывающей современ- ные, в том числе электронные, формы подачи. Монастыри и храмы, включая разрушен- ные, должны быть нанесены на карты, включены в туристические маршруты. Информа- ция о них и их истории должна отражаться в средствах массовой информации.

В процессе обсуждения наверняка появятся другие, возможно, более интерес- ные предложения. Важно не забывать о трагических страницах истории и продолжать ее изучение.

1. Жуковская Н.Л. Ламаизм в Монголии // Буддизм: Словарь. М.: Республика, 1992. С. 165.
2. Позднеев А.М. Монголия и монголы. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1896. С. 415.
3. См.: Кузьмин С.Л., Оюнчимэг. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 году. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 35–67.
4. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_ландшафт_долины_реки_Орхон.
5. Позднеев А.М. Указ. соч. С. 410–426.
6. Жунш С. Зая бандида Лувсанпэрэнлэйн Олгий Нутар. Арын Сайхан Хангай. Улаанбаатар, 2013.; Ядамсүрэн Т. Зая гэгээний нутгийн заяа сайтайтүмэн минь. Улаанбаатар, 2009.
7. Majer Z, Teleki K. History of Zaya Gegenii Khuree, the Monastery of the Khalkha Zaya Pandita. Ulaanbaator, 2013.
8. Хишигт Н. Монгольские буддийские монастыри: история и современность // Память мира: исто- рико-документальное наследие буддизма / ред. В.В. Минаев. М., 2011. С. 30.
9. Майдар Д. Три карты городов и поселений Монголии. Уланбаатор: Изд-во Академии наук МНР, 1970. С. 55.
10. Лам нар, сүм хийдийн хэлмэгдэл ба цагаатгал: [Репрессии и реабилитация лам, храмов и мона- стьрей] / ред. Ш. Сонинбаяр, Н. Амгалан. Улаанбаатар, 2008; Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1988; Пурэвжав С. История ламаистской церкви в Монголии в конце XVI — начале XX в. (социаль- но-экономическое исследование): дис.... д-ра ист. наук. М.: ИВ АН СССР, 1983; Кузь- мин С.Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: дис.... д-ра ист. наук. М.: ИВ РАН, 2016 и др.
11. Кузьмин С.Л., Оюнчимэг. Указ. соч. С. 298–429.
12. Майдар Д. Указ. соч. С. 64–67.
13. List of old Temples of Arkhangai. URL: <http://www.mongoliantemples.org>.
14. Кузьмин С.Л., Оюнчимэг. Указ. соч. С. 475–484.
15. Позднеев А.М. Указ. соч. С. 414.
16. Majer Z, Teleki K. Op. cit. P. 44–47.